

АДСКАЯ КОШКА

Джексон Гэлакси

18+

*Они чрезвычайно горды
и своенравны, и крайне
независимы...*

*Они служат в армии,
работают в музеях,
библиотеках и почтовых
отделениях,*

*выступают в театре
и снимаются в кино...*

*Исследователи, охотники,
хулиганы, компаньоны...*

*Кто же это, спросите вы?
Конечно же, КОТЫ!*

КОШАЧИЙ ПАПОЧКА

Кошачий папочка

Джексон Гэлакси

Адская кошка

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Сое)-44

Гэлакси Д.

Адская кошка / Д. Гэлакси — «Издательство АСТ»,
2017 — (Кошачий папочка)

ISBN 978-5-17-102364-5

«Эта книга не является ни мемуарами кошатника, ни справочником по уходу за кошками. Это настоящий шедевр, который открывает нам две стороны натуры одного мужчины: Джексона – обычного человека и Джексона – Кошачьего Папочки». – Ингрид Кинг «Счастье... Порой самые значительные истории являются самыми простыми: человек, кошка и незаметная любовь, но такая сильная, что спасает обоих». – Гвен Купер, автор бестселлеров New York Times «Одиссея Гомера» и «История одной кошки». «Обязательно к прочтению: тем, кто любит животных, спасателям, заблудшим душам и людям, которые хоть раз в жизни привязывались к кошке.» – CatChannel.com

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-102364-5

© Гэлакси Д., 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

В честь Папы-Кота	6
Предисловие	7
Введение	9
Гиперчувствительность и модно одетые демоны	11
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Джексон Гэлакси

Адская кошка

Эта книга посвящается Бенни и его братьям – каждой обиженной, брошенной и посаженной в клетку кошке, которую оставили в одиночестве ждать момента, когда она снова обретет дом.

Всем, кто хотя бы раз откладывал мечты, чтобы сделать жизни котов более или менее сносными. Работники приюта, сотрудники служб по отлову домашних животных, приемные родители, спасатели, борцы за права братьев наших меньших, законодатели – ваши жертвы были не напрасными.

И наконец, всем тем, кто принимал, давал приют брошенному животному, часто вопреки логике и здравому смыслу отвечал на зов беспомощного несчастного зверя. Спасибо вам.

Все мы верим, что когда-нибудь брошенные животные обретут дом, и благодаря нашим усилиям это произойдет раньше, чем мы думаем.

История о том, как самый вредный и упрямый кот научил меня любить, ценить жизнь и говорить правду.

Джексон Гэлакси

при содействии Джоэла Дефнера

Jackson Galaxy
with Joel Derfner
Cat Daddy

© ООО «Издательство АСТ», 2017 (перевод на русский язык)

В честь Папы-Кота

«Брутальный внешний вид мистера Гэлакси – бритоголового, с татуировками по всему телу – резко контрастирует с его мягким голосом и ласковым обхождением с животными. И хотя иногда он работает и с людьми, на которых нападают, а иногда и ранят обезумевшие домашние любимцы, он все равно придерживается своих правил. Кошки, а не люди, для него на первом месте...» – The New York Times

«Гэлакси – не просто обычный зоопсихолог или специалист по поведению животных. Он ГОВОРИТ с кошками. И кошки его СЛУШАЮТ. Он творит настоящие чудеса, чтобы спасти приговоренных к смертной казни кошек в приютах, помогает им переступить через свои страхи и повысить самооценку, учит общаться с потенциальными хозяевами» – Mousebreath.com

«Он – волшебник, который может усыпить целую армию разъяренных кошачьих, находящихся в одной комнате» – Yahoo!

«Каждый из нас проливает свет на заданную тему, исходя из собственных жизненных установок и точек зрения. К счастью для нас всех, свет Джексона Гэлакси – самый яркий. Успешная работа в решении проблем поведения кошек целиком основана на его способности «мыслить как кошка» и, соответственно, действовать также. Его способность понимать поведение и человека, и кошки феноменальна!» – Анита Фрейзер, автор книги «The Natural Cat» («Настоящая кошка»).

«Счастье... Порой самые значительные истории являются самыми простыми: человек, кошка и незаметная любовь, но такая сильная, что спасает обоих» – Гвен Купер, автор бестселлеров New York Times «Одиссея Гомера» и «История одной кошки».

«Эта книга не является ни мемуарами кошатника, ни справочником по уходу за кошками. Это настоящий шедевр, который открывает нам две стороны натуры одного мужчины: Джексона – обычного человека и Джексона – Кошачьего Папы». – Ингрид Кинг, награжденный автор книги «История Баркли: уроки от учителя кошек».

«Обязательно к прочтению: тем, кто любит животных, спасателям, заблудшим душам и людям, которые хоть раз в жизни привязывались к кошке». – CatChannel.com

«Невозможно представить, что человек с козлиной бородкой, татуировками и, не говоря уже о необычном чехле для гитары, который он использует в качестве сумки для домашних животных, может любить кошек. Может быть, Гэлакси и не выглядит как типичный кошатник, но кто же лучше, чем усато-бородатый житель Нью-Йорка, тело которого покрыто татуировками с изображениями кошек, может помочь наладить отношения между капризными питомцами и их хозяевами?» – New-York Post.

Поначалу кажется, что Гэлакси – это бородатый, татуированный человек с непринужденной манерой поведения и мягким голосом. Но если копнуть глубже, то можно обнаружить 45-летнего еврея из Нью-Йорка, который любит и понимает кошек, как никто другой». – Лайла Морган Уайлд, «The Boomer muse».

Предисловие

Я – кошачий бихевиорист.

В девяноста девяти случаях из ста, когда я произношу это, мой собеседник спрашивает: «Кто?»

– Кошачий мозгоправ? – Я молчу. Бессмысленный взгляд. – Кошкин доктор? Заклинатель котов? – Ничего. – Если ваш кот будет писать на вашу кровать, то я приду к вам в дом и сделаю так, что он перестанет это делать.

Осознание. *Возможно*. А потом неизбежное: «И этим можно зарабатывать?»

– В удачную неделю.

Именно так я и ответил одной журналистке, спросившей меня, как я обычно объясняю людям, на что живу.

– Хм, если честно, – сказала она, когда я закончил. – Вы не соответствуете традиционным представлениям о человеке, который занимается кошками.

Она была права. Совершенно не соответствую. Мое тело почти целиком покрыто татуировками. Я лысый. В ушах у меня торчат громадные серьги, они болтаются почти на том же уровне, до которого доходит борода, а она закрывает грудь.

Но вообще все нормально. Я объяснил ей, что это часть моего плана. Нужно разрушить традиционное представление о том, как должны выглядеть кошатник и кошатница. Нам буквально нужно государство, в котором будет много этих самых кошатников, байкеров, политиков, священников и тех, кто посередине – тех, что смогут спасти миллионы животных от смерти на улице.

Я давал это интервью около года назад перед открытием моего первого семинара «Мой кот из ада», на котором я помогал людям наладить и укрепить отношения с их питомцами. Я рассказывал о методах, которые использовал, пока работал в приюте, где, наконец, понял, как любить, ценить и работать с кошками на более высоком уровне.

С тех пор, как я начал работать с котами, в приютах я повстречал тысячи сотен одичавших животных. Но эта книга об одном коте, научившем меня всему.

Бенни был семи фунтами кошачьего уныния, которые я любил всем сердцем. Я никогда не выделял любимчиков, в моем доме постоянно обитала бесчисленная усато-хвостатая живность, но Бенни требовал больше остальных во всех отношениях. У него были большие проблемы: и физические, и поведенческие. Он принуждал меня идти по пути «Кошачьего папы» в течение почти четырнадцати лет и заставлял чувствовать себя неудачником, даже когда люди меня хвалили. Когда я переехал из Боулдера в Калифорнию, я перестал сотрудничать со многими тамошними врачами. А когда здоровье Бенни стало важнее красивых пейзажей, я решил налаживать контакты с другими ветеринарами, которые, как и я, верили в интегративный подход.¹ Во время первого сеанса акупунктуры в новой местной ветеринарной клинике я видел, как Бенни буквально тает под правильно поставленными иглами. Правда, доктор умел обращаться с пациентами ненамного лучше, чем кактус с человеком. Я подумал, а не написать ли мне в блог об этом опыте, но в тот же момент понял, что слишком уж много информации для одного поста: рост, обучение, неудачи, попытки сдать экзамен и конечно же любовь. Я хотел написать его историю. Хотел, чтобы получилось так же, как с семинаром «Мой кот из Ада», хотел показать аудитории абсолютно из ряда вон выходящее поведение, чтобы они поняли, что спасти можно всех, чтобы заново взглянули на своих питомцев и поменяли к ним отношение: «Хорошо, проблемы того кота я оцениваю на 10 баллов, а вашего – всего на 6. С вашим я

¹ Интегративный подход в медицине – это комплексное изучение и лечение больного организма.

справлюсь». Я не стеснялся представлять моего маленького друга в таком свете. Я был уверен, что его трудности были серьезнее, ведь он был проблемным абсолютно во всем.

В то же самое время Бенни стал свидетелем и непосредственным участником самого беспорядочного и хаотичного периода моей собственной жизни. Я думаю, что все-таки важно откровенно и честно рассказать о некоторых вещах, которые я держу в себе. Дело в том, что я очень дорожу отношениями, которые сложились у меня с животными за последние 17 лет. Я не драматизирую, когда говорю, что если бы их не было рядом, я бы на этом свете уже отсутствовал. И как дань уважения им, мне нужно рассказать о темных уголках моей души, которые эти животные помогли мне закрыть, несмотря на все попытки бросаться с гранатой на любую проблему, положенную к моим ногам Вселенной. Бенни был одним из самых представительных и в то же время самых сложных послов этой хитрой госпожи. Я искренне горжусь тем, что этот трудный путь мы прошли вместе с ним.

Введение

Отношения с Бенни были долгими и запутанными. Маленький короткошерстный кот серо-белой окраски сводил меня с ума каждый божий день в течение 13 лет. Каждый раз, как только я расслаблялся и начинал гордиться тем, что хорошо понимаю кошек, а также осознавать свое место в этом мире, делал глубокий вдох, складывал руки на затылке и блаженно опускался в кресло, как сразу же... Бенни мне показывал фигу.

Наша история – о двух надломленных личностях, которые друг друга «починили». Предыдущий хозяин отдал его мне со словами, что кот «неуправляемый», хотя зверь в тот момент сидел в картонной коробке и практически не шевелился, потому что тазовые кости у него были раздроблены, так как он попал под колеса автомобиля. Я тогда был работником приюта для животных, сочувствовал им и прятался среди них, считая себя частью их мира. Моя жизнь художника, автора песен, певца, гитариста, лидера группы, актера, перформансиста, черт возьми, да и просто жизнь человеческого существа потихоньку вытягивалась из меня. Буквально до боли в зубах я страдал от нервного истощения, и чтобы не зачахнуть окончательно, решил заняться самолечением в виде социальной и эмоциональной изоляции. Некоторое время моим пристанищем стал склад, где не было ни окон, ни телефона, ни водопровода. Это приносило свои плоды. Я жил, ходил в туалет, оплачивал мизерные счета. И хотя в моей жизни встречалось бесчисленное множество зависимостей, я как бы оцепенел.

Каким-то непонятным образом со временем я смог понять, что для меня важно: моя группа и все возрастающая духовная связь с кошками. Поверьте, я не хотел ничего делать, не хотел делать карьеру в сфере работы с животными, я просто желал, чтобы исчезла эта бесконечная болтовня в моей голове. Я хотел именно того, что описал в одной из своих незаконченных длящихся-более-двадцати-минут песен: «Отдых от Шума Города». Просто чистить кошачьи лотки, убирать какашки, а еще помогать зверью быстро привыкнуть к новым хозяевам... Но вместо этого я становился Кошатником, начал копать вглубь, пытаюсь понять, как коты, животные мыслят, и как мы можем сделать их существование лучше, пока они с нами. Несмотря на то количество аптечной бурды, которую я принимал, чтобы забыться физически и психологически, я заставлял себя читать, наблюдать, понимать и учиться. И постепенно я становился тем, кем быть, в общем-то, и не собирался никогда.

И именно тогда, когда я открыл дверцу переноски и встретился взглядом с Бенни, мое представление о собственной сладкой беззаботной жизни, оторванной от реальности, было разбито в пух и прах. Все трудности, с которыми мы с Бенни сталкивались на протяжении его жизни, были одни и те же: касалось ли это состояния здоровья, поведения или жизни в реальном эфире (мире, то бишь), от которого мы вдвоем отгородились. Каждый день всего нашего совместного бытия я искал решения проблем, я сдавался, просил его о помощи, общался с другими кошатниками – лишь бы найти выход. Он был агрессивен по отношению к людям, другим котам, собакам. Он мог ни с того ни с сего бойкотировать свой лоток или же начать голодовку. Язык его тела и коммуникативные навыки было невозможно постичь. Поломанные тазовые кости делали Бенни неполноценным, у него была астма, которая существенно пошатнула его здоровье, и еще масса таинственных заболеваний, которые привели этого зверя в мои руки. И именно это – хотите верьте, хотите нет – хорошо!

Я искренне считаю, что без Бенни я бы все еще был успешным кошачьим психологом. Но опыт общения с ним отправил меня к исходной точке, где я решился выйти из своей зоны комфорта. Годами я жил беззаботной и свободной от обязательств жизнью. Те вещи, которые, как я считал, помогали мне оставаться в здравом уме – жесткие железобетонные барьеры и границы, разного рода зависимости, цинизм и самовредительство – стали неприемлемы, когда появился Бенни, иначе бы я просто не услышал его. А если я не способен услышать Бенни, то я

не смогу понять и любого другого кота! Мне нужно было очистить свой организм от алкоголя, наркотиков и вредной еды. Мне буквально пришлось принять смирение. Мне нужно было быть здесь и сейчас и желать учиться и меняться. Ради Бенни я сделал то, что не сделал бы ни для кого другого, даже себя.

В последние месяцы жизни Бенни показал мне, как надо умирать достойно. Я видел много смертей. Я сам убивал животных, такие уж были правила в приютах. Я помог тысячам кошек и котов освободиться от влияния их сородичей, я прочувствовал это на собственной шкуре. Бенни не учил меня чему-то специально, даже когда его свет ещё мерцал. В тот момент я был для котов авторитетом. И все же из-за комбинации некомпетентности (со стороны довольно многих ветеринаров), упрямства и комплекса Бога (с моей) и несговорчивости (его), я был сломлен. В один миг я снова стал шестнадцатилетним исполнителем, который в своих песнях пытался донести до зрителей правду и пел их до тех пор, пока они, зрители, не отворачивались. И мне пришлось принять смерть Бенни, чтобы возродиться духовно и понять, что есть боль, потери и любовь.

В день, когда он умер, а точнее, пока я ждал, когда ветеринар войдет в комнату и усыпит его, я рассказал Бенни о том, как все могло бы сложиться. Рассказал, что я бы написал книгу о том, как мы излечили друг друга и как бы мы помогали друг другу дальше и не ломали бы наши судьбы. И обязательно в этой истории был бы дан практический совет каждому: методы и методики взаимодействия, которые появились в процессе нашего непосредственного общения. И, возможно это излишне сентиментально, но я хотел, чтобы он продолжал жить. Именно то, что Бенни был другой, отличающийся от остальных котов, помогло мне понять их. Все кошки, да и все животные, если уж на то пошло, – помогли мне в этом. Пока я пил, Бенни подавлял меня. А сейчас я могу глотнуть воздуха и рассказать вам обо всем, что узнал и выучил.

Гиперчувствительность и модно одетые демоны

Изначально план действий казался мне довольно удачным. Нужно всего лишь найти работу, где можно было бы действовать на автопилоте и не задумываться над тем, что я делаю и как. Бариста. Продавец в ломбарде или продавец гитар. Или ландшафтный дизайнер (и это означает, что мне придется где-то в окрестностях Боулдера, штат Колорадо, возить камни на тачке из одного конца чьего-то частного владения в другой). Или работать в каком-нибудь прокате аудиокниг и чистить их чертовой зубной щеткой. Мне не нужно будет хоть как-то вкладываться в свою работу, кроме как приходить вовремя с утра и получать зарплату в конце месяца. Тогда и только тогда у меня бы оставалось достаточно сил и энергии, чтобы днем писать песни, а вечером дорабатывать тексты и музыку с моей группой «Папа цирка Богов».

Помнится, тогда я работал развозчиком багетов в одной пекарне, и было 4 утра, когда произошло ЭТО. Одетый с головы до ног, ибо в феврале холодно, а в бочине фургона, на котором я ездил, зияла огромная дыра, я, как обычно, колесил по улицам города, и внезапно мне на ум пришли слова одной из моих самых любимых песен, темп которой был синхронным с моими стучащими от холода зубами: «В другой жизни я буду ждать ее всю ночь напролет, и, когда она, наконец, откроет замок моей кредиткой, я притворюсь спящим». Потом я сочинил припев, он был мощный и стремительный, чем-то даже напоминал гимн. И пока красные лучи утреннего солнца карабкались по Флэтайрон-билдинг,² родилась песня «Записки из сарая». Я почувствовал огромное облегчение, потому что с тех пор, как лет в 11–12 я понял, что у меня получается писать песни, я знал, что рано или поздно вдохновение иссякнет. И каждый раз, когда я что-то сочинял, я выдыхал и понимал – я еще могу писать!

К слову, рассветов, подобных этому, было много в моей жизни, но таких озарений, к сожалению, тогда на меня не снисходило, вот поэтому я и решил именно этим утром, что мой план работает. Но я сам себя вводил в заблуждение. На самом деле, шесть месяцев я страдал от нервного истощения, а все внешние проблемы и внутренние неурядицы вообще закрыли вход в мой источник вдохновения, к которому я обычно обращался инстинктивно. И по злой иронии, все, что мне нужно было в этот раз, находилось именно там. Не знаю точно, возможно, это было именно так. А может, сыграло роль мое отчаянное «самолечение» (ну, вы понимаете, алкоголь, наркотики), но в итоге я обнаружил, что жить и уж тем более стремиться к чему-либо мне совершенно не хочется. Моя цель состояла просто в том, чтобы выбраться из той ямы, в которую я попал, и остаться на плаву. Сочинительство совершенно не подходило ни для достижения этой цели, ни для поддержания хоть какого-то минимального уровня жизни. Проблема заключалась и в том, что я никогда не мог держать свои амбиции под контролем. Когда я работал в ломбарде, то постоянно мечтал о том, что однажды я переоборудую его в первый в Боулдере магазин редких музыкальных инструментов. В кофейне мне недостаточно было быть просто баристой, там нужно быть и мастером, и подмастерьем. Мои фантазии и амбиции постоянно сталкивались со страхом сойти с ума и с невообразимым количеством всякой дряни, которую я вливал в себя, чтобы держаться. И, если вы никогда не сходили с ума, то расскажу, каково это: как будто к вам приезжает потный вонючий таксист, сажает в свою машину, запирает дверь и увозит вас туда, куда хочет и на сколько хочет. И чем сильнее вы сопротивляетесь и хотите выбраться, тем счастливее становится он. Безумие любит – нет, оно нуждается в собеседнике.

Как-то раз моя очень непродолжительная карьера в одном знаменитом ресторане закончилась практически в одночасье, когда окровавленный пластырь соскочил с моего не менее окровавленного пальца и попал прямо в рот моего патрона. Именно в тот момент я понял:

² Флайтерон-билдинг – 22-метровый небоскреб в Нью-Йорке, по форме напоминающий утюг.

«Пора кончать со сферой услуг». Когда на следующей неделе я просматривал газеты, то увидел объявление: «Общество защиты животных Боулдера (ОЖЗ) ищет помощника по социальным вопросам». И тогда я решил, что это – знак, и теперь я буду служить животным. Мои отношения с этой точки и далее будут настолько чистыми и открытыми, насколько я мог их сделать таковыми. В конце концов, я искал простоты. Писать песни, быть со своей группой, помогать животным – то, что надо, и это соответствовало убеждениям моих внутренних командиров – идея работает! Самое забавное в этих решениях, основанных на каких-то знаках свыше, предчувствиях или видениях, то, что они являются всего лишь оправданиями или, скорее, отговорками. Просто еще один способ пожалеть, побережь себя и остаться в том же безвыходном положении. Но под всей этой маской благородства попросту скрывалась «эмоциональная нищета»: я не мог позволить себе построить нормальные отношения с людьми. Я был слишком уставшим от жизни, слишком осторожным и очень боялся того, куда эти отношения могут завести.

Я уверенно шел на интервью в ОЖЗ, поскольку у меня уже был опыт собеседований в ресторане, ломбарде, аудиопрокате и дизайнерской фирме, той, где я занимался перевозкой камней на тачке. Татуировки на руках были еще не такие заметные, как сейчас, и не покрывали их целиком, но все же я чувствовал, что у меня нет причин скрывать истинного себя. Меня звали Джексон Гэлакси, я обожал огромные побрякушки, носил очки в стиле Элтона Джона, на голове у меня красовались разноцветные дреды (всех цветов радуги!), африканские бусы и еще невесть что. Возьмите меня в свою контору, ведь я просто фонтанирую энтузиазмом. Наймите меня, потому что я был волонтером и помогал животным (выдуманно), а еще потому, что никто, кроме меня, за такие «огромные» деньги не будет вычерпывать дерьмо, чистить клетки и ухаживать за животными.

Одри была управляющей приютом. Она была довольно умной и активной, хотя чаще работала «на расслабоне». И очень жаркой – жарче, чем июль. Это интервью было одним из тех событий, когда ты мало что соображаешь и находишься как бы вне своего тела. Но самое странное, что я не только умудрялся отвечать на вопросы, но еще и флиртовать. Не в открытую, не при помощи галстука-бабочки или золотой цепочки и дешевого одеколona; но едва заметно и достаточно, чтобы начало казаться, что я уже повелся и очарован.

Когда ты безусловно и абсолютно убежден в правильности своих действий, знаешь, что Вселенная швырнет тебя на землю с такой же силой, как когда-то в Розуэлле шмякнулся НЛО, и сделает она это с единственной целью заставить тебя сложить все кусочки пазла – твоей жизни – в единую картинку, ты поймешь, что не надо бояться окончить свой путь, как продавец подержанных авто.³ Пока мы говорили, не было нужды выражаться иносказательно, с подтекстом. К примеру: «Так, и что я должен сделать, чтобы забраться в эту красотку?» – указывая на довольно потрепанный Монте-Карло 1974 г. Когда Одри спросила, есть ли у меня опыт работы в приюте для животных, то я начал проникновенно врать, что уже трудился в подобном месте в Нью-Йорке. Я не думаю, что Одри выполняла свои обязанности с надлежащим усердием. Когда я уходил, то едва ли сомневался в том, что она назначит меня чуть ли не своим заместителем сразу же, без испытательного срока.

– Есть у вас опыт общения с агрессивными животными?

Я вытянул вперед свои сплошь покрытые тату руки, и начал показывать на воображаемые царапины и шрамы, как бы перекрытые татуировками: «Видите вот это? Акита сотворила. Страшновато, да? А вот это, – я указал на скопление родинок на левом запястье, – это действительно больно. Верите или нет, но котенок. А вообще я готов к укусам и агрессии хоть каждый день».

– Решено, – многозначительно добавила Одри.

³ Отсылка к фильму «Подержанные авто» 1980 г.

Вы когда-нибудь видели сон, что ходите, нет, даже бегаєте по чему-то, а потом смотрите под ноги и понимаете, что вы на натянутом канате? И сразу же начинаете шататься, пытаетесь удержать баланс и конечно же падаете. Ну так вот, я в этом сне никогда не смотрю под ноги, чтоб не упасть и достичь-таки своей цели. Я представляю себя персонажем Джона Траволты из фильма «Лихорадка субботнего вечера». Я вытряс все, что мог из этого интервью, даже больше.

Взять, не купить

Примерно 4 миллиона кошек и собак умерло в этом году в приютах Нью-Йорка. Мы зашли слишком далеко, пропагандируя стерилизацию животных: вместо того, чтобы увеличивать число стерилизованных животных, нам нужно просто забирать их с улиц и заботиться о них.

Сейчас около 30 % всех брошенных животных – породистые кошки и собаки, но, несмотря на это, мы продолжаем поддерживать их массовых заводчиков.

У нас два варианта – принять и признать себя в роли опекунов для животных или создать культуру, где коты и собаки будут одноразовой безделушкой. Больше никак.

– Джексон, мы здесь имеем право усыплять животных, и я не смогу вас нанять, если вы не хотите этого делать.

– Конечно, наверное, это единственный вариант... Не могу представить даже, что скину эту обязанность на другого человека. Это же нечестно, да?

– Итак, вы согласны?

– Мое согласие относительно. Если бы я полностью поддерживал эту идею и был на вашем месте, то, пожалуй, начал бы искать другие варианты. Но я все-таки соглашаюсь, и надеюсь, что с вашей помощью смогу пережить это.

В конце концов, последние мои слова – не вранье. Это было попыткой представить, что я мог бы чувствовать в таком случае. Одри предоставила мне цифры. Не забудьте, что действие происходило в 90-е, а тогда в приютах убивалось 9–10 миллионов животных в год. Просто было мало домов. А предположить, что мир, где не убивают, было труднее, чем сейчас, а уж попытаться что-то изменить – тем более. Нашей работой было просвещать общественность, рассказывать людям о преимуществах кастрации/стерилизации зверья, ну и, конечно, быть с несчастными животными, пока усыпляем их. Вот это я ей сказал.

– Животные приходят сюда к нам такими запуганными и измученными, что мы вряд ли можем их спасти.

Я кивнул. Мне было трудно глотать, подбирать слова, потом начался нервный тик. Это состояние мне напомнило то, как я, тринадцатилетний мальчишка, выступал перед большой аудиторией.

– Вашей обязанностью будет загружать и чистить крематорий.

И снова молчаливое согласие.

– Вам придется усыплять животных по просьбам их хозяев и делать это при них.

И снова я с трудом сглатываю и безмолвно соглашаюсь. Кажется, это единственный раз, когда я смотрю под ноги, балансируя на канате. Мне стало страшно, ведь придется успокаивать и животное, и человека, пока я ищу вену для укола смерти. В этот момент мне стало трудно продолжать играть свою роль уже работавшего в питомнике человека. Я пытался, хотя это было довольно неумело и неуклюже.

– Я буду своего рода наставником в этой роли?

– Верно. И пока вы можете делать это относительно легко, и мы не хотим, чтобы хозяин напрягался, пока вы потеете за работой.

– Уф! Хорошо, тогда нет проблем.

Одри пыталась нащупать слабое место в моих добрых намерениях. Должно быть, находясь в этой должности, она разговаривала с бесчисленным множеством неопытных претендентов «на взводе», таких напряженных и нервных ребят, которые в умелых руках раскрываются, как дешевые зонтики на северо-востоке.⁴ Я же сдаваться не собирался, хотя пару раз мой инстинкт «борьбы или бегства» шептал мне, что неплохо было бы сейчас выйти из комнаты и направиться прямоком на улицу.

По иронии судьбы в комнате находился талисман приюта, кот по имени Чикс⁵ (названный так благодаря отсутствию хвоста), который чудесным образом возвращал кровяное давление (мое) в пределы нормы, пока я усиленно потел, не давая Одри себя раскусить. Я гладил его, пока он прогуливался по поверхности белого ламинированного стола, прохладного на ощупь в жаркий летний день. Коту достаточно было перевернуться с живота на спину или сделать еще что-то, чтобы напряжение, болтающееся в воздухе, исчезло. И в конце каждого из этих моментов Одри спрашивала: «Все в порядке?»

– Да, все в порядке, я согласен.

И это было правдой, я только удивлялся, как слова вообще выскальзывают у меня изо рта! И что я не мог видеть тогда, так это то, что даже сквозь всю ту чепуху, которой я прикрывался, все-таки пробивалось желание познать жизнь и служить кому-то.

А через час собеседование было закончено, и Одри провела меня по приюту. И пока мы были на заднем дворе и стояли у пруда, я ее спросил, когда они примут решение. Она мне ответила, как бы подмигивая словами: «Чуть позже, сегодня, я уверена».

Я шел домой и думал, что сегодня в моей жизни наступил новый этап. Это не было так же, как обычно: «Круто! У меня есть деньги на еду и оплату счетов на ближайшие пару дней». Здесь было другое чувство. Я просто знал, что здесь мне придется вкладываться эмоционально, но меня это не пугало совершенно. Животные, у которых я только что побывал, буквально разговаривали со мной: собаки, лизавшие мне пальцы через решетки клеток, увидев меня, начинали лаять одна за другой, как по принципу падающих доминошек; кошки выглядывали из своих убежищ, а в их взглядах читалось недоверие и попытки оценить надвигающуюся угрозу. Пока я ехал домой, эти картины так и всплывали у меня перед глазами, а потом я рассказывал людям, собравшимся в моей комнатухе, что в приюте почувствовал себя нужным, что здесь мое место. И мне было хорошо от осознания этого. Я думал, что такая работа спасет меня. В моей гостиной постоянно находились люди, человек двенадцать или больше: члены группы и прочие. Я был своего рода старшим, руководителем этой команды. Поздно ночью мы сидели в кругу в центре комнаты, передавали друг другу бонг (такая специальная трубка, чтоб курить травку); я, как настоящий серьезный вождь знал, что и они это чувствуют. Мое стремление найти точку опоры раскаляло атмосферу в комнате.

А потом позвонила Одри и сказала, что меня не взяли.

– Правда?

И в этом вопросе не было ни капли сарказма, да и как такового вопроса тоже не было. Я был ошарашен.

– Правда??

Обычно в таких случаях я просто забывал о том, что произошло, и продолжал жить дальше. Но в тот момент я был зол: «Неужели я провалился?»

– Нет, не провалились.

⁴ Здесь: намек на климат северо-восточных штатов США – холодный, с большим количеством осадков.

⁵ Помимо своего основного значения, слово «cheeks» – щеки, в грубой разговорной речи обозначает «ягодицы».

– Ну, я, – лицо мое покраснело от злости и стыда за тот спектакль, который я устроил перед друзьями: сидел как какой-нибудь Будда в кругу приспешников и вещал о том, что жизнь моя приняла новый драматический оттенок.

– Нет. Поверьте мне, вы этого не сделали, нам просто нужно что-то иное.

– Что? Другое... Что же именно?

Тактичная пауза, а потом продолжение: «Простите, Джексон. Надеюсь, вы решитесь попробовать еще раз».

– А, да, конечно... Я тоже... Да...

Щёлк. Положила трубку.

Да что, черт возьми, происходит?

Я посмотрел на телефонную трубку и быстро повесил ее, как будто она была радиоактивная. И сразу же я почувствовал себя очень плохо: тошнота, боль, депрессия разом навалились на меня.

Я в полубессознательном состоянии слонялся по комнатам, искал то соседа, то наркотики, то соседа с наркотиками. Самое смешное было то, что в тот момент в доме было девять человек и девять кошек, и тридцать шесть пар глаз следили за моими перемещениями. И когда они видели меня, то никто даже не пытался спрашивать, почему я в таком состоянии, потому что они понимали, что произошло что-то действительно жуткое.

«Чертово общество защиты животных, – думал я. – Если бы они только знали, какого человека не взяли на работу! Да я был подарком судьбы для них. И если они этого не поняли с первого взгляда, то они меня точно не достойны». Я всегда был мастером пострадать и пожалеть себя. Тогда бы я написал хитовую песню, растянул ее на 13 минут, добавил цепляющего текста, а потом еще минуты три своего соло и категорически отказался бы этот кусок вырезать. Возьмите меня всего или не берите вовсе.

Не помню, когда я выяснил, что эта работа мне не досталась из-за моих дредов, но подтверждение этому я получил изнутри. Тот факт, что я не мог присоединиться к организации, к людям и животным там меня просто взбесил, и я ушел в запой. Я пил неделями. Я даже придумал специальный коктейль: смешивал клонопин (мое успокаивающее), марихуану, сироп от кашля, грибы и антидепрессанты. Это было жуткое месиво – после него я становился невменяемым, галлюцинировал, а когда накачивался им до предела, то у меня начиналось глобальное слюнотечение, и я мог пузырить весь день. Я даже начал «встречаться» с девчонкой; правда, сейчас я и не вспомню, как она выглядит, да, впрочем, и имя я ее забыл. Мы с ней пили, ржали, глотали всякую дрянь, какую могли найти, а однажды ночью у нас появился кокаин из серии «вскрыть в случае необходимости», в итоге мы нанюхались и шатались без дела, причем уснуть после этого зелья не получалось. Мы двигались как в замедленной съемке и не переставая целовались. Наши губы постоянно соприкасались, мы целовали подбородки друг друга, зубы, неуклюже (и неосознанно!) смеялись. Целью этой нашей «черной дыры» было стремление потерять всякое чувство собственного достоинства, раствориться в другом – да так, чтобы потом не рыдать от стыда где-то посередине процесса. Если бы я тогда хоть на минутку осознал, что происходит, я, скорее всего, понял бы: все эти «встречания» были отчаянными попытками выжить, но эти самые попытки были малоэффективными: примерно с таким же успехом можно черпать воду консервной банкой из лодки с пробитым днищем.

Но я не проснулся, а просто понадеялся на Вселенную – что она спасет меня и не даст умереть.

Большую часть жизни я представлял себя живущим в эдакой тонкой яичной скорлупе, которая не перенесет не только целого цикла стирки, но и даже деликатного полоскания. Другие же говорили, что я просто слишком чувствительный. Кажется, большую часть жизни я не жил, а слонялся где-то рядом, и непременно должен был стать свидетелем автокатастрофы.

Когда я был маленьким, моя бабушка по материнской линии, эстрадная актриса и единственный человек в семье, у которого был актерский талант (кроме чувства ритма, конечно: мои родители познакомились в клубе и преодолеть языковой барьер смогли при помощи танца), любила мне рассказывать одну историю о том, как в первую ночь медового месяца на Ниагарском водопаде она проснулась в холодном поту и разбудила деда. «Су! – кричала она, собирая вещи, – нам нужно сейчас же уехать отсюда!» И они уехали. Он знал, даже будучи новоиспеченным мужем, что спорить с ней было без толку. А отель в ту же ночь сгорел. Она любила повторять, что мы с ней сделаны из одного теста, она это видела во мне. (Во многом она была права, но только не в одном: она была наркоманкой и умерла от рака легких. В последний раз я ее видел, когда приходил к ней в больницу – она дотронулась до моей щеки и сказала: «Кто-то хочет заставить тебя бросить курить. Не поддавайся!»)

И хотя эта сверхчувствительность мешала мне жить и трепала мои нервы 24 часа 7 дней в неделю, она же давала мне нечто другое: я буквально мог понимать души людей и животных. И именно это предопределило мой выбор стать художником в широком смысле слова, а не каким-нибудь кадровиком или клерком. Я могу понять, кто ты, просто глядя на твою походку – то, как идешь по улице, покачивая бедрами.

И вот однажды мой отец (венгр, к слову), принес домой старый проигрыватель «Моторола»: такая большая коробка, у которой верхняя крышка раскрывалась как книга, а в середине был поворотный столик, куда укладывались записи. Потом он сходил в ближайший книжный магазин и купил там по дешевке несколько пластинок. Мне было неважно, какие песни звучали. Конечно, я нашел там парочку любимых. Я безнадежно потерял себя в музыке. Мои родители были поклонниками ду-воп (это когда песня исполняется без музыки), поэтому я проглотил и выплюнул все, начиная с Дион⁶ и заканчивая the Shirrels.⁷ Каждый вечер я давал представление, единственным номером там была песня «Chantilly Lace» Бига Боппера; я брал в руки телефонную трубку вместо микрофона, и песня начиналась. А начало было такое: звенел колокольчик и сразу же запевал приятный баритон: «Привет, Крошка!» И я уже заранее знал в то время, кем стану, когда вырасту. Без всякого планирования, без беспокойства об успехе и даже без размышлений о том, как бы мне подняться ввысь на своих подрезанных крыльях, я понял, что умру в обнимку с моей «Моторолой».

Будучи певицей (да что уж скрывать, писательницей, актрисой и невероятной кокеткой), моя бабушка видела во мне эту самую «сверхчувствительную энергию», которую я мог бы направить на что-то полезное.

Стоит отметить, что «что-то полезное» пришло ко мне вместе с со способностью изображать испуг и орать во всю глотку от страха. Обычно я старался не кричать в реальной жизни. Одной из причин, по которой я забросил актерство и решил посвятить себя исполнительству, стало мое амплуа буйнопомешанного. А как певец я смог разрушить стереотип хрупкого и чувствительного артиста, разорвал его на тысячи маленьких чертовых Дэнов Фогельбергов.⁸ Я никогда не был, как говорится, фоновой музыкой.

Я был художником, исполнителем, и благодаря этому у меня хорошо развито чувство прекрасного. Впервые на сцену я вышел еще даже не будучи подростком. Это было непосредственно дома. Все мои сомнения, переживания, которые были со мной постоянно, как ни странно, улетучились куда-то, как только я оказался в центре внимания. Моя мама часто рассказывала мне историю, как я однажды шел по улице в яркой одежде, в ушах у меня висели достававшие до плеч серьги, и я громко спрашивал, куда так пристально смотрят люди.

⁶ Итальянская группа, пик популярности пришелся на 50—60-е гг. В 2003 г. вышел альбом избранных песен.

⁷ Американская герл-группа была популярной в конце 50-х – начале 60-х, просуществовала до начала 80-х.

⁸ Дэн Фогельберг – американский певец, музыкант, композитор. В основном он писал музыку в стиле поп-фолк, мелодичную и нежную.

Потом я познакомился с гитарой и начал писать песни. Это произошло почти в один момент, и я сразу же я принялся их играть на людях. Я не помню названий моих творений, но помню, что давал представления на улицах Манхэттена. Конечно, звук денег, падающих в мой чемоданчик, ласкал слух, но важнее было, что улица стала для меня своеобразным белым шумом, и я мог концентрироваться на процессе. Я сразу же привлекал внимание. Когда я понял, что мои предпочтения – это театр и музыка, моя способность к наблюдению и проницательность становились все точнее, и только усилились за годы, проведенные в школе и колледже, где меня учили актерскому мастерству. Было это своеобразным вступлением на творческую стезю или же я, очевидно, был несчастен без сцены в принципе, но методы, действия и вопросы всегда оставались одними и те же. Я мог пойти в парк, посмотреть на людей и спросить: «Каков внутренний мир этих людей? Что с ними происходит до и после контакта со мной? Куда они идут? Кого оставили дома? Почему он идет, выставив грудь вперед, а она сильно ссутулившись?» Я собирал эти человеческие особенности, как улики, и именно из них я хотел создать историю – ту, которую пропущу через себя.

Нужно было просто создать в своем воображении рассказ, основа которого – наблюдения за людьми (а позднее кошками), а все пробелы заполнить своими домыслами, но только правдоподобными. Но так продолжалось недолго, вскоре я смог и другими способами находить это приятное чувство «жужжания» (своего рода удовлетворения), и мне не обязательно было находиться на сцене. Я попробовал марихуану после сигарет, когда мне было четырнадцать. Алкоголь в этом плане был вещью второстепенной, но он был более доступным. Я не буду здесь рассказывать долгую историю о том, когда, где и как. Поэтому просто скажу, не вставляю, поэтому и не хотелось. Примерно так же, как молоденькая девочка мечтает потерять девственность с мужчиной всей её жизни, я мечтал о грибах, ЛСД, мескаLINE (наркотик такой). Я просыпался, и сердце бешено стучало, как будто у меня только что случилась поллюция. Скорее всего, так оно и было.

Да, я был таким ребенком. Много чего попробовал.

Я долго держал своих демонов в узде. Я был «высокофункциональным» наркоманом. Я не прогуливал работу, не прогуливал школу. Писал отличные песни и никогда не падал на концертах. Я даже мог поддерживать разные отношения: одни – с нормальными, другие – с похожими на меня ребятами. Я закончил колледж даже лучше некоторых друзей, да и в школе было без происшествий (не считая того, что многие мои одноклассники по курсу «Драматургия» всегда писали для меня роли психопатов).

Однако когда я переехал в Боулдер, чтобы уже, наконец, стать настоящим артистом, певцом и автором песен, я снова почувствовал это: я балансирую на канате и смотрю на свои ноги. Моя излишняя чувствительность мало помогала мне, взрослому человеку. У меня никогда не было правильных личных границ, чтобы достойно существовать в этом мире. Благословение и проклятие, правда же?

Многие творческие люди и наркоманы рассказывали мне: «Мы принимаем наркотики, чтобы создавать что-то новое на более высоком уровне; они помогают нам поддерживать нужное состояние в обычной жизни и не потерять его в бытовухе. А иногда в какой-то момент нам просто нужно выключить свет. Правда, где-то здесь, на этом пути, мы все-таки теряем контроль, и наркотики из духовных наставников становятся нашими начальниками-тиранами. Не стать жертвой банальностей, но и суметь достичь чего-то более глубокого, темного и еще черт знает чего в обмен на правду, в обмен на способность не только видеть все эти вещи, но понимать их и пройти сквозь них – вот что важно. И иногда, прежде чем вытащить пулю из раны, хочется сделать укол обезболивающего. Поэтому ты неизбежно учишься предотвращать попадание пули в плоть. Плохие вещи – это те, которых слишком много, и у тебя нет времени или инструментов (знаний) проработать их все, так почему бы к ним просто быть готовыми, оставаясь в том же оцепенелом состоянии? Это поведение очень напоминает кошачье: так коты

ходят по дому и метят двери и окна. Они это делают, чтобы предотвратить вторжение чужака на их территорию, они считают, лучше предупредить сейчас, чем сражаться потом. И эти самые чужаки на всякий случай будут знать, кому принадлежит эта часть мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.